

*Зарубежный
романтический
бестселлер*

РОМАНЫ
КАРЕН УАЙТ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

САРА ДЖИО

Ежевичная зима

Фиалки в марте

Соленый ветер

Последняя камелия

Утреннее сияние

Лунная тропа

Тихие слова любви

Среди тысячи лиц

КАРЕН УАЙТ

Рапсодия ветреного острова

Танцующая на гребне волны

Между прошлым и будущим

Одна среди туманов

КАРЕН УАЙТ

*Одна среди
туманов*

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(7Coe)
У12

Karen White
A LONG TIME GONE

© Harley House Books, LLC, 2014

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with NAL Signet,
a member of Penguin Group (USA) LLC, a Penguin Random
House Company.

Фотография на обложке: © JuliaK / Gettyimages.ru

Перевод с английского *В. Гришечкина*

Художественное оформление *С. Власова*

Уайт, Карен.

У12   Одна среди туманов : [роман] / Карен Уайт ;
[пер. с англ. В. А. Гришечкина]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2017. — 672 с.

ISBN 978-5-04-089497-0

После десяти лет отсутствия Вивьен Уокер возвращается в город детства из солнечной Калифорнии и селится в уютной усадьбе у реки. У нее за плечами болезненный разрыв с мужем, и она надеется, что родные места помогут ей пережить потерю. Но первые дни приносят лишь разочарование — в доме пусто, ее бабушка умерла, все вокруг совершенно изменилось, и даже старый кипарис, в тени которого Вивьен в юности «слушала песню болот», загублен безжалостным торнадо.

Стихийное бедствие наталкивает Вивьен на воспоминания о другом происшествии — в 1929 году ее прабабушка, жена часовщика, пропала во время Большого наводнения. Эта история овевана тайной, и Вивьен решает занять себя небольшим расследованием, чтобы развлечься. Но стоило ей сделать неосторожный шаг, и загадка приняла весьма необычный оборот...

УДК 821.161.1
ББК 84(7Coe)

© В. Гришечкин, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-089497-0

ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается моим теткам
Марии Луизе, Джени, Глории и Шарлен,
а также моей матери Кэтрин Энн
и моей бабушке Грейс,
которые познакомили меня
с неувядающей красотой дельты Миссисипи*

*Огромное спасибо моим родителям, которые
каждое лето возили меня в родной город матери
в дельте Миссисипи. Благодаря им я полюбила этот
маленький южный городок, вдохновивший меня на
написание этой книги.*

*Автор выражает глубокую признательность
сотруднику городского архива города Индианола
Джейн Эванс, подсказавшей мне верное направление
поисков, а также коронеру графства Санфлауэр Хе-
дер Бертон, которая щедро тратила на меня свое
время и терпеливо отвечала на мои многочисленные
вопросы. Если в книге и есть какие-то неточности
и ошибки, то за них несу ответственность только
я, а не эти замечательные люди.*

Глава 1

---

*Вивьен Уокер Мойс.
Индиэн Маунд, Миссисипи.
Апрель, 2013*

Я появилась на свет на той же кровати, на которой когда-то была рождена моя мать, а до нее — ее мать, а еще раньше — другие женщины из нашей семьи, имен которых никто из ныне живущих уже не помнит. Кровать была старинная, на четырех столбах из крепкого черного дерева, которые словно привязывали женщин из рода Уокер к этой земле — к бескрайним плодородным полям, некогда отнятым у великой Миссисипи. Но, как и дамбы, возведенные для того, чтобы не давать могучей реке разливаться во всю ширь, они не могли удержать нас надолго.

Как гласит семейное предание, все Уокеры появлялись на свет с громким криком и, едва научившись ходить, отправлялись в долгое, длиною в целую жизнь, путешествие. Полагаю, мы все искали особенное — что-то такое, что могло бы заставить нас замолчать. Единственным нашим наследством была передававшаяся из поколения в поколение способность выращивать отличные овощи и цветы, а также неутолимое желание узнать, что же находится за пределами Миссисипской дельты. Причины этого желания были столь же непонятны и необъяснимы, сколь и его всепокрушающая, неодолимая сила. Единственное, что можно было о нем сказать, — это то, что его источник скрывался где-то очень глубоко в наших сердцах.

И все же то, что гнало нас прочь, в конечном итоге неизменно оказывалось побеждено притяжением родных краев. Не знаю, был ли это зов темного миссисипского аллювия или воспоминание о старом доме и крепкой

кровати на четырех столбах, но факт остается фактом: как бы далеко нас ни заносило, мы всегда возвращались.

Сама я вернулась в родной Индиэн Маунд весной, почти через девять лет после того, как уехала. Я примчалась сюда через всю страну, напрямик из Лос-Анджелеса — двадцать семь часов асфальта, фастфуда и сводящего с ума напряжения. Мои воспоминания, словно путеводная нить, указывали мне дорогу и вели за собой. Когда я преодолевала последний участок шоссе от Литтл-Рок до Индиэн Маунд, небо потемнело, а между туч засверкали частые молнии. По радио то и дело передавали предупреждения о торнадо, но я даже не подумала сбросить скорость и продолжала давить на педаль, хотя порывы ветра так и норовили столкнуть мой автомобиль с трассы. Конечно, разумнее всего было бы остановиться, но мне это даже не пришло в голову. Фигурально выражаясь, багажник моей машины был битком набит проблемами, решить которые могла только моя бабушка Бутси. И только она могла бы простить мне девять лет отсутствия и десять лет молчания, потому что на собственном опыте знала, что такое уокеровское упрямство. В конце концов, это качество своей натуры я унаследовала именно от нее — как и от других моих предков по женской линии.

Начинало светать. Гроза прошла, а я переправилась через реку и оказалась в штате Миссисипи. Восемьдесят второе шоссе очень скоро привело меня в край, который мы всегда называли Дельтой. Маячившие на западе высокие обрывистые холмы исчезли, словно какой-то великан в одночасье раздавил их гигантским башмаком, и я увидела протянувшиеся между реками Миссисипи и Язу плоские заболоченные равнины. Земля здесь была богатой и невероятно плодородной — наверное, как в долине Нила в стародавние времена, однако видимое спокойствие местного пейзажа было обманчивым: здешняя природа могла разбушеваться так, что обуздать ее бывало очень нелегко. Как говорили мои предки, наши края либо ломали человека, либо воспитывали в нем

стальной характер, причем, насколько мне было известно, на данный момент счет был примерно равным.

Боже, как давно я здесь не была!..

Осветительные мачты, пестревшие рекламными растяжками и щитами, остались позади, и вдоль шоссе потянулись еще пустые по весне поля и полуразрушенные хозяйственные постройки — руины, которые почти целиком поглотили ползучие стебли пуэрарии. В предраcветных сумерках их приземистые силуэты напоминали нахохлившихся, печальных д́ухов, выстроившихся вдоль дороги в надежде, что какой-нибудь странствующий волшебник вернет их в давно миновавшие эпохи. Кое-где между ними поблескивали слюдяные лужи кипарисовых болот, которые напоминали нам, людям, что эта земля дана нам не навсегда и может быть снова у нас отнята. Солнце еще не взошло, и знакомый ландшафт, проносившийся за окнами моей машины, был окрашен лишь в разные оттенки серого, как будто за прошедшие годы все яркие природные краски выцвели и поблекли. Таки-ми же, впрочем, были и мои воспоминания: дымчатый гризайль на сером картоне, расплывчатые тени, легкая вуаль печали.

Мой психоаналитик как-то сказал, что подобная цветовая слепота, проявляющаяся каждый раз, когда речь заходит о моих воспоминаниях, объясняется, скорее всего, одиноким, несчастливым детством, проведенным без матери. Годы, наполненные пустотой и *отсутствием* матери, я подсознательно раскрашивала в черно-белые цвета, поэтому теперь все мое прошлое представлялось мне монохромным и унылым.

К тому моменту, когда я добралась до указателя на въезде в Индиэн Маунд, поднявшееся над горизонтом солнце окрасило небо нежнейшим розовым цветом, но меня это не обрадовало. Подступившая к горлу паника заставила мое сердце забиться чаще, и я непроизвольно бросила взгляд на соседнее сиденье, где лежала моя сумочка. В сумочке я держала аптечный флакончик с *таблетками*. Интересно, подумалось мне, сумею ли я про-

глотить еще одну успокаивающую пилюлю «на сухую»? На протяжении всего пути от Лос-Анджелеса мне это удавалось, но теперь я засомневалась. Во рту у меня было сухо, как в Сахаре, руки дрожали... в конце концов, я была почти дома! Стараясь отвлечься, я стала смотреть в лобовое стекло — в тусклый утренний свет, который словно проглатывал мою машину, и сильнее нажала на педаль акселератора.

Вскоре мне, однако, пришлось сбросить скорость. Ветер набросал на дорогу целые горы мусора, налететь на которые мне не улыбалось. Груды листьев, спутанные ветви, толстые сучья, комки грязи и сорванные с крыш черепицы преграждали дорогу, и я старательно объезжала каждое препятствие, чтобы не повредить колеса. Несмотря на то что ехала я теперь довольно медленно, вскоре я догнала старый пикап, который когда-то был красным. Пикап притормаживал, и я увидела впереди красно-синюю мигалку полицейской машины, стоявшей на обочине дороги возле оборванных электрических проводов. Из заднего окошка пикапа, марку и год выпуска которого я определить затруднялась, на меня меланхолично уставилась большая пятнистая собака неизвестной породы.

Полицейский регулировщик, выбравшийся из патрульной машины, направил пикап, собаку и меня в объезд опасной зоны, взмахами рук показывая, что дальше следует ехать медленно, но как только я перестала видеть его в зеркале, я снова прибавила скорость и, обогнав пытящий пикап, едва разминулась с почтовым ящиком, который торчал прямо посреди дороги, словно это было его законное место.

Во рту у меня снова пересохло, на лбу, напротив, выступила обильная испарина, и я опять подумала о таблетках — о том, как быстро одна пилюля помогла бы мне избавиться от навалившегося беспокойства. Непроизвольно я поехала быстрее, хотя это и было небезопасно — и тут же налетела передним колесом на толстый и кривой сук, лежавший посреди дороги. Раздался треск,

деревянные обломки громко застучали по днищу, но покрышка, кажется, осталась цела. Я, впрочем, не стала останавливаться, чтобы посмотреть, все ли в порядке. В глубине души я знала: если придется, я поеду дальше даже на дисках, лишь бы поскорее попасть туда, где я так давно не была.

Свернув с шоссе, я оказалась на раскисшей после грозы грунтовой дороге, где моя машина то буксовала в грязи, то подпрыгивала на камнях. Дорога пересекала обширное хлопковое поле; в ее глубоких колеях, продавленных тракторами и фургонами, стояла вода. Эту грунтовку я хорошо знала и поехала по ней совершенно машинально. Возможно, у нее было какое-то название, но мы никогда не пользовались им, объясняя дорогу случайным гостям и туристам. Повернуть направо через полторы мили после старого универмага... Универмаг был закрыт задолго до моего рождения, но я до сих пор помнила ветхое, покосившееся здание и облезлую вывеску «Голден Краун Кола» над входом. Сейчас от универмага не осталось и следа, но я все равно знала, где нужно свернуть, — точно так же мои волосы сами собой укладывались совершенно определенным образом, пусть когда-то я и пыталась делать себе самые разные прически. Сама дорога, впрочем, не изменилась — узкая, относительно прямая, она была обсажена все теми же высокими белыми дубами (за прошедшие годы они, вероятно, сделались еще выше), кроны которых смыкались, образуя подобие высокого зеленого тоннеля. Когда-то мы с Томми любили бегать по этой дороге босиком, поднимая целые облака невесомой пыли, которые, закручиваясь спиралью, еще долго плыли над нагретой землей, словно неупокоенные души.

Но сейчас пыль превратилась в жидкую грязь, поэтому когда я, задумавшись, излишне сильно нажала на газ, задние колеса моего автомобиля поехали в сторону и соскочили с дороги в кювет. В панике я газанула еще дважды, но добилась только того, что колеса увязли еще глубже. Зная, что попалась, я все же попробовала вы-

браться из кювета самостоятельно, но у меня ничего не вышло, и, навалившись грудью на рулевое колесо, я стала смотреть туда, где обсаженная дубами дорога заканчивалась. Мне понадобилось девять лет, чтобы вернуться, так что еще несколько минут промедления, скорее всего, ничего не решали.

Выбравшись из салона, я пошла дальше пешком. Мои легкие кожаные сандалии тонули в миссисипской грязи, которая словно не хотела меня отпускать — с таким усилием мне приходилось выдирать из нее ноги. Огромная стая ворон¹ с карканьем расселась на ветвях, и я попыталась пересчитать их, одновременно припоминая детский стишок, который моя черная няня Матильда часто пела мне много лет назад.

Видеть ворону — радости быть.
Двух увидеть — яд печали испить.
Три — это к свадьбе, к разлуке — четыре,
Пять — быть богатым, шесть — денег просить.

Семь — это тайну большую узнать,
(Жаль, что нельзя ее здесь рассказать).
Восемь — блаженства за гробом испить,
Девять — во ад, умерев, угодить.

А коли ты десять ворон увидал,
Значит, ты чёрта живьем повстречал.

Сердце мое отчаянно стучало, и я успела несколько раз пожалеть, что так и не приняла успокоительную таблетку. Увы, сумочку я оставила в машине, от которой

---

¹ Черная американская ворона, она же американский ворон (*Corvus brachyrhynchos*) — птица семейства врановых с черным оперением, обитающая в Северной Америке. От своего сородича, ворона обыкновенного, отличается меньшим размером и поведением. На североамериканском континенте птицу называют crow («ворона»), а не raven («ворон»), так как она по размеру схожа с евроазиатской серой вороной. Американские вороны являются моногамными птицами, причем пары объединяются в большие семьи и помогают друг другу выращивать птенцов. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

успела отойти достаточно далеко, в чем я убедилась, бросив взгляд через плечо. И все-таки я почти вернулась, но громкое хлопанье крыльев заставило меня посмотреть вверх. Семь ворон, словно нарисованные черной тушью на бледно-голубом небе, с пронзительным карканьем кружились над самой моей головой. Не успела я испугаться как следует, а птицы уже унеслись куда-то в поля и пропали из вида.

Невольно я пошла быстрее. Голова у меня слегка кружилась, и я попыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Но вот деревья, росшие вдоль дороги, расступились, и я оказалась на большой поляне, от которой начиналась еще одна широкая, вымощенная камнем дорожка, также обсаженная столетними дубами. В конце дорожки стояла старая усадьба с греческими колоннами, крылечками, эркерами и нелепой готической башенкой на изломанной, разновысокой крыше. На неподготовленного человека столь беспринципное смешение сразу нескольких архитектурных стилей производило неизгладимое впечатление. Усадьбу так и хотелось назвать «желтым домом», и не только потому, что в ее облике угадывалось некое архитектурное безумие, но и потому, что она действительно была желтого цвета. В наших краях издавна господствовал псевдогреческий колониальный стиль с его алебастровыми колоннами, мраморными портиками и прочими атрибутами «благородной античности», поэтому желтая усадьба, столь непохожая на своих ближайших соседей, отличалась как минимум оригинальностью. Впрочем, то же самое можно было сказать и о поколениях женщин, которые жили здесь на протяжении двух столетий.

При виде знакомых стен я почувствовала, что успокаиваюсь. Кажется, даже мое сердце начало стучать медленнее, как будто Бутси уже вышла на крыльцо и обняла меня за плечи, а я прильнула головой к ее надежному, теплому плечу.

Прошедшая гроза была действительно сильной, но дом, похоже, несколько не пострадал — только подь-

ездная дорожка была щедро усыпана сорванными цветами розовых азалий, странно похожими на сувенирные дублоны, которые разбрасывают с платформ во время новоорлеанского карнавала Марди-Гра¹. Во дворе стояла вода, из которой торчали трогательные и жалкие стебельки травы; в воде отражались небо и странная желтая усадьба. Ее окна смотрели на меня и с упреком, и одновременно как будто удивляясь дерзкой самонадеянности очередной Уокер, которая ни на мгновение не усомнилась, что родное гнездо примет ее с распростертыми объятиями. Но я не усомнилась — первые восемнадцать лет своей жизни я прожила в этих желтых стенах под сенью нелепой башенки; я бегала в этом саду и играла в бескрайних хлопковых полях, и теперь родной дом был единственным цветным пятном в моих черно-белых воспоминаниях.

Я прислушалась, надеясь услышать мелодичное пение птиц, которое было такой же частью моих воспоминаний, как и пейзаж вокруг. Но — ничего. Если не считать далекого карканья ворон, единственным нарушавшим тишину звуком был беспорядочный шорох от падения миллионов водяных капель, срывавшихся с карнизов, с отставших чешуек желтой краски на стенах дома, с похожих на скрюченные артритные пальцы дубовых ветвей.

Осторожно двинувшись вперед, я поднялась по деревянным ступенькам на широкое крыльцо-веранду и там ненадолго задержалась, чтобы оставить залепленные грязью сандалии возле двери, как я всегда делала в детстве. Моя рука легла на массивную бронзовую ручку

---

¹ Марди - Гра (вторник на масленичной неделе) — праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы, с красочным карнавалом, балами и парадами с участием ряженых и джаз-оркестров, которые проходят по центральным улицам города. Во время карнавала с движущихся платформ разбрасывают алюминиевые и пластиковые монеты или жетоны с различными изображениями, которые являются сувенирами и объектами коллекционирования.

парадной двери, но уже через мгновение я передумала и решила сначала постучать.

Я стукнула в дверь дважды и замерла, прислушиваясь, надеясь услышать за дверью быструю шаркающую походку Бутси, легкую поступь босых ног матери или хотя бы тяжелые шаги моего старшего брата Томми. Но за дверью царила тишина. Как и прежде, я слышала только торопливый перестук водяных капель. Кап-кап. Кап-кап.

Немного помедлив, я снова взялась за дверную ручку. Ручка не поворачивалась, и это меня удивило: за все годы, что я провела в этом доме, парадная дверь никогда не запиралась. Я, во всяком случае, такого не помнила. Что же могло измениться? Или те, кто жил в этом доме, знали, что я в конце концов вернусь, и нарочно заперли дверь?.. Несколько мгновений я стояла, подбоченясь и слегка выставив одну ногу вперед, но потом вспомнила, что именно такую позу моя мать принимала каждый раз, когда ей что-то не нравилось, и поспешно опустила руки. В воздухе по-прежнему сильно пахло дождем и листьями дёрена, который разросся так сильно, что уже начал перебираться через перила веранды.

Снова надев туфли, я спустилась с крыльца, пересекла подъездную дорожку и, свернув за угол дома, направилась к старому каретному сараю, который еще в двадцатых годах был перестроен под гараж. Внутри я разглядела старый «Кадиллак» Бутси и тихонько вздохнула с облегчением. Позади него стоял белый пикап, в кузове которого виднелся большой ящик с инструментами, и я решила, что это, наверное, машина Томми. Третьим автомобилем в гараже был неприметный темный седан, подозрительно похожий на полицейскую машину, только без опознавательных знаков. Задумываться о том, что он здесь делает, я не стала — захлопнув дверь гаража, я быстро пошла в обход дома дальше, не обращая внимания на грязь и лужи. Сейчас мне больше всего хотелось как можно скорее оказаться в надежных и теплых объятиях Бутси, которые одни могли успокоить меня, заста-